

Стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов: региональный аспект

Колесник Е. А.

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Российская Федерация; eakolesnik-10@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению стратегий занятости беженцев и вынужденных мигрантов из Украины волны 2022 года. Достаточно сложная для мигрантов ситуация вынуждает их изменять и выстраивать свои стратегии занятости соразмерно возможностям трудоустройства в стране (регионе) проживания, конъюнктуре рынка труда, установленным трудовым режимам, особенностям оплаты и стимулирования труда и иным факторам. **Актуальность** обусловлена тем, что рассмотрение приоритетов и стратегий занятости беженцев и вынужденных мигрантов имеет решающее значение как для обеспечения социальной и экономической стабильности, так и для выстраивания политики их интеграции в принимающее сообщество как на государственном, так и на региональном уровнях. Значимость данного исследования представляется значимым и на основании того, что в Тюменской области ощущается нехватка квалифицированных специалистов в различных отраслях, и рынок труда характеризуется как трудодефицитный. **Цель** статьи заключается в проведении эмпирического исследования стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов. **Объектом** выступают беженцы и вынужденные мигранты из Украины волны 2022 года, прибывшие на территорию Тюменской области.

Рассмотрение проблематики выстроено на применении различных **методов** научного анализа, основные из которых — опросные и статистические методы, методы обобщения, систематизации и группировки; в работе нашли свое отображение и официальные данные международных организаций, занимающихся рассматриваемой проблемой, данные официальной статистики Российской Федерации и Тюменстата, официальные сведения УФМС России, Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области и Департамента труда и занятости населения Тюменской области.

Результаты заключаются, во-первых, в изучении общих показателей и направлений вынужденной миграции и беженства из Украины, во-вторых, в исследовании приоритетов и стратегий занятости вынужденных мигрантов и беженцев, прибывших на территорию Тюменской области. Было определено, мигрантами выбирается три модели поведения, зависящие от, во-первых, желания и направленности на встраивание в новый принявший их социум, во-вторых, стремления к возвращению на Родину, в-третьих, направленности на миграцию в другой регион Российской Федерации. Мигранты первой группы ориентированы на стратегию занятости, строящуюся на развитии, стабильности и поощрении (лица от 18 до 35 лет), на инициативе и вознаграждении (лица от 36 до 45 лет), на рациональном выборе и гарантии занятости (лица от 46 до 59 лет). Также на приоритетность в выборе стратегии оказывают влияние пол, уровень образования и опыт взаимодействия с работодателями.

Мигрантами второй группы, стремящимися к возвращению на Родину, выбирается стратегия резмиграции. Третьей группой избираются диаметрально противоположные стратегии — экспансивного и пассивного поведения на рынке труда. При этом, стратегии занятости этих двух групп имеют и общее — желание «пересидеть» сложные времена, а также поддержать и/или улучшить свое материальное положение.

Ключевые слова: украинский конфликт, беженцы, вынужденная миграция, трудоустройство, стратегии занятости, приоритеты, поддержка, Тюменская область

Для цитирования: Колесник Е. А. Стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов: региональный аспект // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 40–62.

Employment Strategies for Refugees and Forced Migrants: A Regional Aspect

Elena A. Kolesnik

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation; eakolesnik-10@mail.ru

ABSTRACT

The movement of people from one place to another can be caused by a variety of factors, including conflicts in the military, political or socio-economic sphere, natural disasters and other situations that force people to seek safety in other countries. As a result, there is a change not only of the country of residence, but also of lifestyle, social status, place and type of employment. The situation, which is quite difficult for migrants, forces them to change and build employment strategies in proportion to the possibilities of labor realization in the country (region) of residence — labor market conditions, established labor regimes, peculiarities of remuneration and labor incentives, etc. The purpose of the article is to conduct an empirical study of the employment strategy of refugees and forced migrants. The object is refugees and forced migrants from Ukraine who arrived on the territory of the Tyumen region. The relevance of the topic is due to the fact that forced migration is a global problem, and the possibility of “embedding” migrants, especially forced ones, has a decisive impact on the economic aspects of the country and the development of its regions. The significance of this study is particularly high and on the basis of the fact that there is a shortage of qualified specialists in various industries in the Tyumen region and the labor market is characterized as labor deficient.

The consideration of the problem is based on the use of various methods of scientific analysis, the main of which are survey and statistical methods, methods of generalization, systematization and grouping; official data of international organizations dealing with the problem under consideration, official statistics of the Russian Federation and Tyumenstat, official data of the Federal Migration Service of Russia and the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia are reflected in the work in the Tyumen region. The results consist, firstly, in the study of common problems faced by refugees and forced migrants in the labor market of the Tyumen region, secondly, in the study of the features of labor integration of migrants from Ukraine, thirdly, in the consideration of employment strategies for refugees and forced migrants for their successful integration into the regional labor society.

Keywords: Ukrainian conflict, refugees, forced migration, employment, employment strategies, priorities, support, Tyumen region

For citing: Kolesnik E. A. Employment strategies of refugees and forced migrants: a regional aspect // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 40–62.

Введение

Происходящие в современном мире процессы глобализации оказывают сильное влияние на различные социально-экономические и общественно-политические процессы; широкое распространение получили и глобальные общечеловеческие проблемы. Особую тревогу вызывают вопросы, связанные с политическими и социально-экономическими конфликтами, которые нередко приводят к военным противостояниям и вынуждают граждан пострадавших государств искать пристанище в других странах. Подобные миграционные процессы называются «вынужденной миграцией, а лица, которые в силу обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находящиеся вне страны своей гражданской принадлежности в результате подобных событий, называются вынужденными мигрантами» [14, с. 175]. Беженство представляет собой одну из форм вынужденного переселения, которая заключается в перемещении людей из одного государства в другое в связи с преследованием из-за расовых, религиозных, политических

и национальных притеснений. Как правило, беженцами становятся люди, на которых оказываются гонения на родине из-за их убеждений или принадлежности к определенной социальной группе.

Вынужденная миграция на протяжении всей истории войн и конфликтов, катаклизмов и социальных потрясений коснулась многих людей, вынудив их покинуть места своего проживания. Беженство как явление также имеет свою историю, которая насчитывает несколько тысяч лет. Однако именно с начала XX в. оно приобретает массовый характер и становится одним из самых ярких проявлений человеческой цивилизации. До недавнего времени беженство было обусловлено в основном преследованием и политическими репрессиями, сегодня же к ним добавились иные обстоятельства, которые стали причиной массовых перемещений людей.

В последнее время вынужденная миграция и беженство стали приобретать глобальные черты, затрагивая практически все страны мира. Прибывающие люди в страну (регион) вселения привносят свои обычаи, ценности, культуру, что, порой, становится причиной возникновения новых проблем, связанных с культурным конфликтом и иными разногласиями в обществе. В то же время вынужденная миграция и беженство в определенной степени способствуют поддержанию и развитию экономики стран-реципиентов. Мигранты вносят свой вклад как за счет нового притока денег, который оказывает положительное влияние на местную экономику и способствует ее общему росту, так и за счет собственного труда. Принимающая сторона в лице мигрантов получает дополнительную рабочую силу, заполняя «пробелы» на рынке труда. Кроме того, мигранты часто приносят с собой различные навыки, опыт и новое видение, которое способствует инновациям и творчеству в рабочей силе. В то же время характер трудового включения зависит от степени заинтересованности мигрантов в интеграции в общество принимающей стороны.

В связи с вышеперечисленным рассмотрение стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов не только видится важным, но и представляет несомненный научный интерес.

Обзор литературы

В последние несколько лет вышло достаточно много публикаций, освещающих данную проблематику. В среде зарубежных авторов достаточно широко освещены вопросы вынужденной миграции в работах Г. С. Гудвина-Гилла и П. Невалайнен, А. Лаузера, А. Фузе, П. Дж. Браунляйна, Фионы Б. Адамсон и др. Исследования как затрагивают общетеоретические аспекты, так и освещают специфические проблемы вынужденной миграции и беженства в разных государствах и регионах.

В зарубежных публикациях последнего времени не обойден стороной вопрос вынужденной миграции и беженства в контексте украинско-российской проблемы. Так, в работах С. Куинн и И. Руис подчеркивается необходимость «сострадательных и вдумчивых ответов от правительств по всему миру — как на национальном, так и на местном уровнях, и особенно в Европе» [37, с. 404]; акцентируется внимание на надобность выработки действенных механизмов поддержки вынужденных мигрантов и беженцев, а также использование в практике работы положительного опыта различных стран.

В исследовании польских ученых К. Пендзивиатра, Я. Бжозовского и Е. Нагорнюк изучены как потребности беженцев, так и направленность их социальной интеграции в зарубежное общество и стратегии экономической адаптации [32]. Отдельно отмечается, что «несмотря на публично рекламируемый временный характер» [32, с. 55], вынужденные мигранты имеют стойкое намерение остаться на территории

вселения. Констатируется, что «чем дальше беженцы уезжали из Украины, тем выше был их социально-экономический статус и уровень образования и тем менее выраженными были их намерения вернуться» [32, с. 31]. Этот тезис подтверждается и исследованиями другой группы авторов — Дж. Коленбергер, Б. Ренгс, Б. Ридерер, И. Сетц, И. Бубер-Энсер и др. [31].

Не вдаваясь в дальнейший анализ зарубежных публикаций, отметим: в целом растущий объем исследований по вынужденной миграции отражает актуальность и сложность этой проблемы.

Среди российских исследователей можно выделить работы Ж. А. Зайончковской, Н. В. Прокушевой, И. В. Ивахнюк, Ю. Ф. Моргун, В. А. Ионцева, Н. В. Соклакова, И. С. Иванова, В. В. Константинова, Е. В. Тюрюкановой, Е. В. Карсанова, М. Л. Тюркина, К. О. Ромодановского и др.

Вопросы, касающиеся вынужденной миграции и беженства, их роли и места в структуре рынка труда изложены в трудах С. В. Соболевой, О. В. Чудаевой, М. Кудяевой, И. Редозубова, В. А. Васяйчевой, Д. Г. Слатова, Е. С. Вакуленко, В. В. Комаровского, В. Т. Веденеевой, К. С. Гущиной и др. ученых. Области изучаемых ими вопросов представлены ниже (обобщено автором согласно [4–5; 8; 15; 17; 21]):

- особенности и проблемы миграции населения из ближнего и дальнего зарубежья, адаптации иностранных мигрантов на российском рынке труда (Соболева С. В., Чудаева О. В.);
- оценка влияния миграции на макроэкономические показатели России как в целом по стране, так и по отдельным регионам (Кудяева М., Редозубов И.);
- проблемы, связанные с трудовой миграцией и адаптацией мигрантов к текущим условиям труда (Васяйчева В. А., Слатов Д. Г.);
- вопросы, связанные с мобильностью рабочей силы в различных ее формах, которые определяют эффективность использования рабочей силы в экономике, стремительность адаптации экономики к разным неожиданным событиям (шокам), реакцию на действия правительства (Вакуленко Е. С.);
- современные тенденции и модели трудовой миграции, национальные практики и подходы к ее управлению, особенности выхода и уникальные проблемы, с которыми сталкиваются вынужденные мигранты последней волны при выходе на рынок труда (Комаровский В. В., Веденеева В. Т.);
- изучение факторов значительной трудовой миграции и вынужденного переселения, а также вопросов, связанных с возможностью включения мигрантов в трудовую деятельность (Гущина К. С.).

Стоит отметить следующее: в России изучением проблем миграции, миграционной политики, вопросов вынужденной миграции и беженства занимаются в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, в Институте этнологии и антропологии РАН, в Лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народного прогнозирования РАН, в Центре социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН, в Институте социально-политических исследований РАН, в Центре изучения миграционной политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации и других научно-исследовательских центрах и государственных организациях.

При этом, несмотря на наличие многочисленных научных разработок, развитие совершенно новой миграционной ситуации требует более пристального ее изучения. Кроме того, существуют особые требующие дальнейшего рассмотрения вопросы, связанные с трудоустройством и трудовой интеграцией вынужденных мигрантов. Обозначенные проблемы входят в поле научной дискуссии и приобретают особую актуальность в связи с важностью труда мигрантов в развитии регионов России.

Материалы и методы

Предметом данного исследования является изучение стратегий занятости беженцев и вынужденных мигрантов волны 2022 г. (территория вселения — Тюменская область).

Гипотеза выстраивается на научном предположении, что интеграция вынужденных мигрантов и беженцев на территории вселения в большей степени обуславливается трудовыми приоритетами вообще и стратегией занятости в частности.

Обозначенная в работе проблема исследуется посредством применения разнообразных **методов** научного анализа, включая опросы и статистику, а также методов обобщения результатов исследований.

Особенности трудовой интеграции беженцев и вынужденных мигрантов, а также стратегии их занятости изучались посредством применения опросных методов. Использование стратифицированной выборки позволило выделить пропорциональный размер генеральной совокупности и обеспечить правильность представления различных подгрупп респондентов, что повышает точность и надежность результатов, полученных из выборочных данных.

В опросе приняло участие 286 респондентов из числа беженцев и вынужденных мигрантов волны 2022 г. Уровни погрешности и достоверности составили $\pm 5\%$ и 95% соответственно. Респонденты были распределены по следующим группам: пол (мужчины — 44%, женщины — 56% от общей численности опрошенных), возраст (молодежь (18–35 лет) — 35%, лица среднего возраста (36–45 лет) — 47,2% и лица зрелого возраста (46–59 лет) — 17,8%), уровень образования (начальное — 1,7%, среднее специальное — 23,7%, высшее — 74,6%). Интервьюирование проводилось через онлайн-опрос на базе сервиса *Google Forms*.

Опрос был проведен благодаря содействию Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области и Департамента труда и занятости населения Тюменской области.

Помимо этого в работу включены официальные статистические данные международных организаций, занимающиеся рассматриваемой проблемой, а также данные официальной статистики Российской Федерации и Тюменьстата, официальные сведения УФМС России, Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области и Департамента труда и занятости населения Тюменской области.

1. «Вынужденная миграция» и «беженство» — подходы к трактовке понятий

В последнее время в научной литературе понятие «вынужденная миграция» широко представлено как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Такое повышенное внимание основано на активизации военно-политических конфликтов последнего времени. В то же время стоит отметить, в основу понимания вынужденной миграции не обязательно полагается именно военно-политический конфликт, достаточным числом иных факторов формируется данное явление. Так, Дж. Хейн и Т. Ни-ази к глобальному фактору, создающему условия для вынужденной миграции, относят крайний национализм, приводящий к войнам и вытеснению людей из одной страны в другую [29]. Брид Ни Гранне определяет, что перемещение населения в основном вызвано конфликтами и стихийными бедствиями¹. Согласно Д. Ф. Хейнсу, основным фактором является наличие на территории многих государств и сопредельных их территориям внутригосударственных конфликтов [28]. Эка Сарджана указывает, что юридическое понимание понятия «беженец», закрепленное в Конвенции

¹ Bríd Ní Ghráinne. The Relationship between Internally Displaced Persons and Refugees' in Bríd Ní Ghráinne, Internally Displaced Persons and International Refugee Law, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/353286479_The_Relationship_between_Internally_Displaced_Persons_and_Refugees'_in_Brid_Ni_Ghrainne_Internally_Displaced_Persons_and_International_Refugee_Law (дата обращения: 11.08.2022).

1951 г., на международной арене значительно ограничивает круг переселенцев, вынужденно покинувших свою страну. Конвенция превращает «их в мигрантов из-за военных действий и гражданских беспорядков» [36, с. 220]. При этом миграция населения вызывается и иными факторами. К ним ею относятся экономические, экологические и социальные проблемы (экономические трудности, политическая борьба, безработица, бедность, засуха, эрозия почвы, опустынивание, обезлесение, наводнения) и иные угрозы устойчивости системы, нарушающие сложившиеся ритмы жизнедеятельности. Т. Славчинский более комплексно смотрит на причины. Он считает, что глобализация является основной причиной, поскольку она меняет способ функционирования человеческого общества с учетом различий в национальных и международных обстоятельствах [38].

По мнению российских ученых, причины вынужденной миграции — это «гражданские войны, бедность и нужда, разруха и изгнание» [13, с. 85], «тяжелая внутривнутриполитическая обстановка» [Там же, с. 84], межэтнические и межнациональные конфликты и противостояния [6], критическая экологическая обстановка, бедственное положение или катастрофа [11], состояние страха и угрозы для жизни, геноцид [1, с. 17] и др. А. Ю. Ястребовой к основополагающим причинам вынужденной миграции населения относятся продолжительные военные действия и отсутствие личной безопасности, а также «приобретение... правового статуса беженцев как лиц, имеющих опасения преследования» [25, с. 76]. По мнению Д. А. Звягиной, есть две группы причин, которые имеют экономическую и неэкономическую природу. К первой группе относится «различие в экономическом развитии страны выезда и въезда, перенаселение и высокий уровень безработицы в стране-доноре, а также движение капитала и деятельность транснациональных корпораций» [12, с. 96]. Ко второй — «политические, правовые и нравственные причины» [Там же]. Т. А. Репина, напротив, утверждает, что вынужденная миграция формируется исходя из степени и масштаба угрожающих ситуаций. Она выделяет такие две категории: мгновенная угроза жизни (катастрофа) и «эволюционное развитие событий» [20, с. 250]. Не вдаваясь в дальнейший анализ публикаций, можно сделать вывод, что подходы к пониманию причин, которые побуждают человека к вынужденной миграции, основываются, в основном, на авторском видении и понимании ее сути.

Касательно понятия «беженство», то в российском законодательстве оно рассматривается как один из видов вынужденной миграции. Понятие «беженец» появилось вследствие подписания в Женеве «Конвенции о статусе беженцев» в 1951 г. Россия же, присоединившись к данному Протоколу 2 февраля 1993 г., заложила основы правового регулирования и положения вынужденных мигрантов, находящихся на территории РФ (табл. 1).

Ниже приведены общие характеристики таких понятий, как «вынужденная миграция» и «беженство», выделенные российскими и зарубежными авторами (обобщено автором согласно [1; 3; 7; 9–10; 16; 18; 19; 23; 24; 27; 33–35]).

Беженство — это:

- массовое оставление жителями своих родных городов из-за конфликтов или стихийных бедствий (Ушаков Д. Н.);
- форма переселения, когда люди вынуждены покинуть свой дом из-за военной агрессии, иностранной оккупации, чрезвычайных ситуаций природного и экологического характера, представляющих опасность для здоровья и жизни человека (Костыря Е. А.);
- перемещение лиц, которое основано на рациональном страхе стать жертвой вооруженного конфликта и которые не могут получить защиту от своей страны гражданской принадлежности в связи с таким конфликтом (Щеголева Н. А., Волков А. В.);

Определение понятия «беженец» согласно Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. и ФЗ РФ от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах»

Table 1. Definition of the concept of «refugee» according to the 1951 Geneva Convention on the Status of Refugees and the Federal Law of the Russian Federation No. 4528-I of February 19, 1993 «On Refugees»

Понятие «беженец» согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г.	Понятие «беженец» согласно ФЗ от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах»
Беженец — это лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений	Беженец — это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений

Источник: составлено автором по: Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28.07.1951 г.) // Сб. Международных документов. 1995. № 2. С. 22–29; Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10105682/> (дата обращения: 15.09.2022).

- вынужденное оставление постоянного места жительства без применения насилия (Прокушева Н. В.);
- психологическая «доминанта отдаления от опасного места» (Куликова Е. Ю.) и необходимость «спасения собственной жизни» (Демидова О. Р.);
- «экстремальная жизненная ситуация, сопряженная с трагическими событиями, кризисными процессами, критическими психическими нагрузками, интенсивными негативными переживаниями и эмоциональными потрясениями» (Барышева Е. И.);
- процесс, указывающий на принудительное переселение лиц (С. Г. Харрис-Риммер).

Вынужденная миграция — это:

- термин, описывающий и используемый для объяснения перемещения людей (Нел Филлип);
- миграция, вызываемая различными внешними причинами; вынужденная, не суверенная (Куликова Е. Ю.);
- принудительное или добровольное внутреннее или внешнее перемещение людей, вызванное экономическими, политическими, социальными и иными обстоятельствами как через международные границы, так и внутри государства (Ярмистый М. М.);
- процесс, при котором люди вынуждены покинуть место жительства вследствие совершенного в отношении них или членов их семей насилия, или подвергшихся преследованиям (Е. В. Дьякова, А. В. Гришина);

- переселение людей в результате стихийных бедствий (паводков, оползней и землетрясений), экологических изменений (вырубки лесов, опустынивания, деградации земель) и других техногенных катастроф, возникших в связи с деятельностью человека (промышленные аварии, радиоактивность) (Алиев О. Ф. О.);
- это крайняя форма защиты нарушенных в результате каких-либо событий основных прав человека, представляющаяся свидетельством коррупции института правовых ограничений как в субъективном, так и в объективном понимании последних (Макогон Б. В., Маркхайм М. В., Минасян А. А., Новикова А. Е., Ярычев Н. У.);
- кризисные явления, носящие природный и антропогенный характеры, создающие дополнительные риски безопасности как для государств, так и для регионов (Громогласова Е. С.);
- акт переселения лица или группы лиц, которые были вынуждены покинуть свое привычное место проживания из-за вооруженного конфликта, нарушения прав человека или насилия и пересекли международно признанную государственную границу (ОДЖО, С. Стивен).

Из вышеизложенного следует, что «тождество данных двух понятий заключается в следующем: их объединяет одно — вынужденное перемещение людей за пределы своего местожительства вследствие достаточно серьезных обстоятельств» [14, с. 177–178]. Стихийные бедствия, социальные катастрофы, а также опасности антропогенного характера — это тот перечень факторов, формирующих обстоятельства, при которых люди вынуждены покидать свои дома и искать пристанище где-нибудь в другом более безопасном месте. Стоит отметить, что вынужденная миграция и беженство — это глобальная проблема, которая ежегодно затрагивает миллионы людей во всем мире. Более того — она неотъемлемый компонент процессов, происходящих в современном глобализирующемся мире.

Оказывая неоднозначное влияние на принимающее сообщество (напряженность и конфликты, дискриминация и маргинализация и др.), миграция — это значимый и постоянный источник социально-экономических и культурно-демографических изменений [30], ведь «люди, оказавшиеся в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни» [2], другой системы ценностей, вынуждены адаптировать свое поведение, приспосабливаться к новым условиям, к новому социальному окружению. И наоборот, мигранты приносят в принимающее сообщество «иные ценности и идеи, и обогащают его свежими социальными, духовными и культурными навыками» [14, с. 178], формируют новые культурные практики, уникальные как для принимающего сообщества, так и самих мигрантов.

Существует и иная сторона. Вынужденные мигранты и беженцы приносят стране-реципиенту существенную экономическую выгоду вследствие как увеличения количества рабочих мест, так и заполнения невостребованных местным населением мест работы, ростом производительности труда, снижением безработицы и т. д.; мигранты также обеспечивают дополнительные налоговые поступления в бюджеты таких стран. При этом степень извлечения выгоды варьирует в зависимости от политики отдельной страны.

В целом миграция оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на принимающее сообщество. Она, с одной стороны, является неизбежной частью истории человечества и будет продолжать формировать наши общества в будущем, а с другой — представляет собой основу развития современного социума.

2. Миграционные потоки: показатели и направления вынужденной миграции и беженства

Ситуация с вынужденной миграцией и беженством представляет собой глобальный вызов экономическому развитию и социальной сплоченности всего общества, угро-

зу национальной безопасности стран и риску дестабилизации обстановки в мире. Согласно данным УВКБ ООН по делам беженцев, в 2021 г. около 90 млн чел. стали вынужденными мигрантами и были перемещены в результате войн в их странах, насилия, преследований, нарушений прав человека. Верховный комиссар ООН по делам беженцев Филипп Гранди отмечает: «Это рекорд, который не должен был быть достигнут никогда»¹.

Число вынужденных мигрантов к концу 2021 г. составляло 89,3 млн чел. (рис. 1); численность беженцев выросла на 27,1 млн чел., что на 700 тыс. чел. больше, чем по данным конца 2020 г.

На рис. 2 представлены статистические данные ООН о количестве беженцев и лиц, ищущих убежища, из стран, в которых в настоящее время находится наибольшее количество вынужденных мигрантов в мире.

С февраля 2022 г. вследствие специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на Украине, численность украинских вынужденных мигрантов и беженцев в общей сложности достигла 17 139 782 чел., что безусловно влияет на рост числа мигрантов в мире. За этот период в обратном направлении — назад в Украину — выехало 9 180 679 чел.

Согласно данным УВКБ, в период с 24 февраля 2022 г. по 3 января 2023 г. в Россию из Украины прибыло около 2 852 395 чел.². Наибольшее количество вынужденных мигрантов и беженцев было принято Россией, Польшей и Германией; доля от общей численности составляет около 16,6%, 9,06% и 5,9% соответственно.

Страны, принявшие более 100 тыс. чел., представлены на рис. 3.

Согласно данным Управления федеральной миграционной службы России (далее — УФМС), в период января — марта 2022 г. на миграционный учет было поставлено 181 430 граждан Украины. В отношении 30,1% было принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации, в отношении 4,2% — первичное решение о выдаче вида на жительство, в отношении 5,8% — решение о выдаче разрешения на временное проживание.

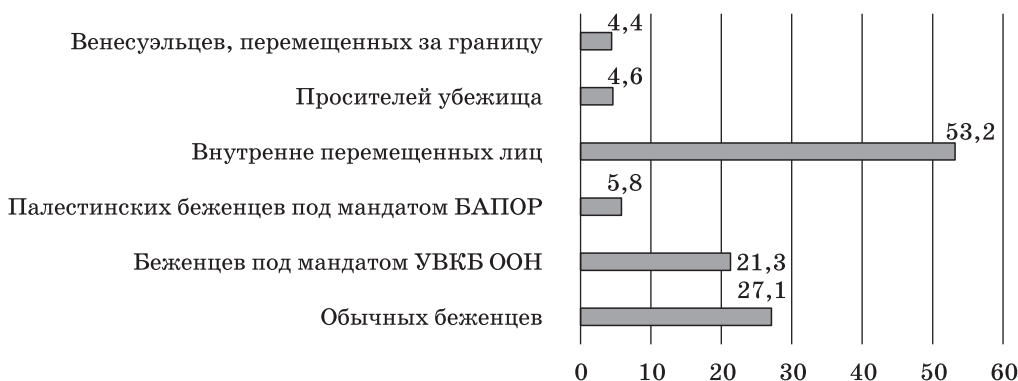

Рис. 1. Количество вынужденных мигрантов в мире, млн чел. (на конец 2021 г.)
Fig. 1. The number of forced migrants in the world, million people (at the end of 2021)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/news/topic/migrants-and-refugees> (дата обращения: 17.08.2022).

¹ UNHCR: due to the war in Ukraine and other conflicts, the number of internally displaced persons has reached one hundred million for the first time [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1424362> (дата обращения: 11.01.2023).

² Ukraine Refugee Situations [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 15.01.2023).

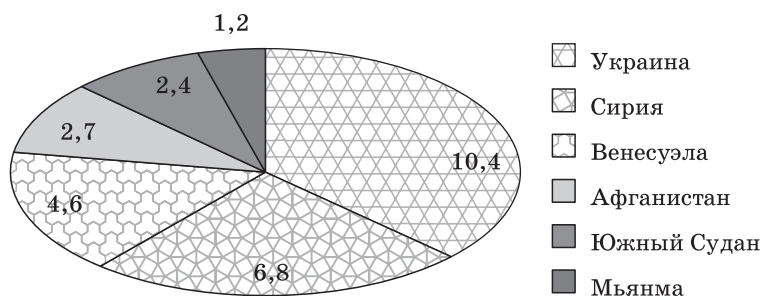

Рис. 2. Страны, на которые в настоящее время приходится наибольшее количество беженцев в мире, млн чел.

Fig. 2. The countries that currently account for the largest number of refugees in the world, million people

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/news/topic/migrants-and-refugees> (дата обращения: 17.08.2022).

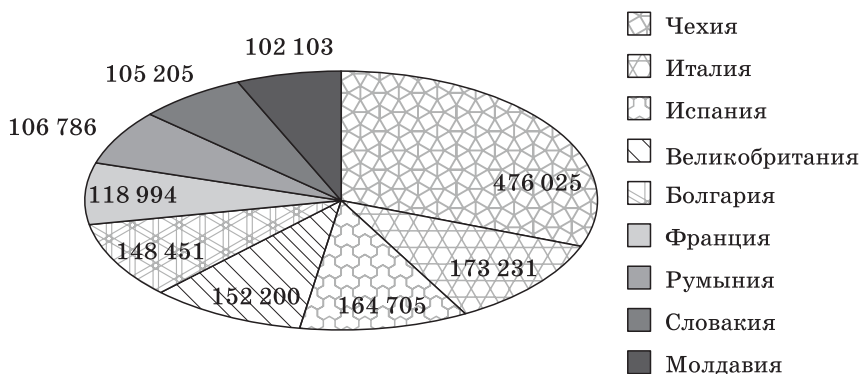

Рис. 3. Страны, принявшие более 100 тыс. вынужденных мигрантов и беженцев из Украины (начало января 2023 г.), чел.

Fig. 3. Countries that have received more than 100 thousand forced migrants and refugees from Ukraine (beginning of January 2023), people

Источник: Ukraine Refugee Situations [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 15.01.2023).

Максимум вынужденная миграция из территории Украины достигла в период с апреля по декабрь 2022 г. Число фактов постановки на миграционный учет увеличилось в среднем на 5,9%. Повысилось и число решений по приобретению гражданства, первичного решения о выдаче вида на жительство и разрешений на временное проживание, которые составили 5,45%, 3,45% и 2,85% соответственно.

С начала 2023 г. начинает наблюдаться снижение миграционной активности. В первые три месяца 2023 г. на миграционный учет было поставлено 70 789 чел. Из них в отношении 31,1% принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации, первичное решение о выдаче вида на жительство получило 4,4%, менее 1% было получено решение о выдаче разрешения на временное проживание.

Стоит отметить: согласно решению территориальных органов МВД России в 2022 году 98 632 чел. получили удостоверения о временном убежище; на начало 2023 г. временное убежище было оформлено 57 937 чел.

На 1 января 2022 г. статус беженца получили всего 54 чел., что на 1,54% меньше показателей предыдущего года. Это обусловлено тем, что, во-первых, получение данного статуса связано со сложной процедурой его получения, во-вторых, нет ясности того, какие именно преимущества получает обладатель статуса «беженец» в России. Именно поэтому лишь небольшим числом лиц был получен статус беженца в правовом понимании этого термина. Большинство вынужденных мигрантов из Украины оформляют статус «временного убежища», гарантирующего иностранным гражданам право временного пребывания на территории России и то, что они не могут быть возвращены на территорию государства их гражданской принадлежности против воли (ст. 12, п. 4 Закона «О беженцах»)¹. Помимо этого, у них появляется право на легальное трудоустройство и возможность обращения с заявлением о принятии российского гражданства в упрощенном порядке.

В Россию в период с февраля 2022 г. въехало около 6% населения Украины. Правительством РФ было принято решение расселить их в основной массе на всей территории страны. Так, в Воронежской области запланировано разместить около 7,4% от общей численности вынужденных мигрантов, в Краснодарском крае — 5,6%, в Белгородской области — 5%, в Ростовской области — 4,8%. Такое распределение обусловлено как территориальным тяготением вынужденных мигрантов к прежнему месту проживания, так и трудодефицитностью рынка труда данных регионов. Помимо вышеперечисленных регионов, размещение планируется и в других регионах страны. Например, в Красноярском крае запланировано разместить около 4,1% вынужденных мигрантов, в Курской и Мурманской областях — 3,2% и 2,6% соответственно, в Республике Башкортостан и Омской области по 2,5%, в Пензенской области — 2,3% и т. д. Планируется в общей численности разместить около 95 146 чел.

Таким образом, интеграция вынужденных мигрантов и беженцев из Украины в российское сообщество — основная задача, на решение которой направлены инициативы как правительства страны, так и органов власти и местного самоуправления на местах. Действия обращены на предоставление необходимой поддержки и помощи, включая доступ к основным услугам, таким как жилье, здравоохранение, образование и трудоустройство.

Стоит отметить, что правительствами иностранных государств, неправительственными организациями, международными агентствами по оказанию помощи также предоставляется вынужденным мигрантам и беженцам всесторонняя помощь и ресурсы; поддержка включает языковые курсы, программы профессионального обучения, психологическое консультирование, юридическую помощь и др.

3. Вынужденные мигранты и беженцы на рынке труда Тюменской области: стратегии и приоритеты занятости

Тюменская область как один из крупных нефтедобывающих регионов России по праву считается точкой роста и развития экономики страны. Регион имеет выгодное экономико-географическое положение благодаря близости к экономически развитым районам европейской части страны, прежде всего к Уралу, и обеспеченности разнообразными природными ресурсами. В регионе также имеется развитая транспортная инфраструктура, которая позволяет развивать промышленное производство, торговлю, сельское хозяйство. Тюменская область является одним из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации. За последние годы регион значительно укрепил свои позиции в различных отраслях

¹ Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10105682/> (дата обращения: 15.09.2022).

экономики. Важным фактором в его развитии является не только эффективное использование природных ресурсов, развитость нефтедобывающей отрасли, освоение углеводородных месторождений, но и формирование иных перспективных кластеров:

Базовые:

- Кластер нефтедобычи, нефтепереработки и нефтесервиса.
- Нефтегазохимический кластер.

Формирующиеся:

- Агропромышленный и биотехнологический кластер.
- Лесопромышленный кластер.

Потенциальные:

- Кластер добычи и переработки прочих полезных ископаемых.
- Медико-фармацевтический кластер.
- Кластер социальных инноваций.
- Туристско-рекреационный кластер.
- Образовательный кластер.
- Кластер творческих (креативных) индустрий.
- Кластер инновационных и информационных технологий.

Все это составляет инвестиционную привлекательность области и является условием экономического развития региона.

Экономический потенциал Тюменской области подтверждается абсолютной величиной вклада в формирование валового регионального продукта (далее — ВРП) Российской Федерации. ВРП Тюменской области в действующих ценах 2021 г. составил 11 349 439,2 млн руб. Среди субъектов РФ Тюменская область занимает 2-е место по объему ВРП; по показателю наибольшего ВРП на душу населения — 1-е место среди субъектов страны (данные на 2019 г.).

В то же время, несмотря на достаточно высокие стабильно растущие экономические показатели, рынок труда Тюменской области характеризуется как трудодефицитный¹. Дефицит трудовых ресурсов наблюдается по большинству значимых для области видов экономической деятельности, который, согласно прогнозу Департамента труда и занятости населения, будет усугубляться в последующие годы.

Таким образом, современные условия развития экономики региона сопряжены с рядом достаточно существенных факторов, которые не только определяют будущее региональных экономических систем, но и играют жизненно важную роль в определении локальных перспектив, которые находятся в прямой зависимости от человеческого капитала [14, с. 180]. Одним немаловажным условием, определяющим развитие региональных экономик, является миграция, благодаря которой происходит не только пополнение трудовыми ресурсами и перераспределение рабочей силы, но и создаются условия для более эффективной занятости населения.

Несмотря на то, что вынужденная миграция и беженство являются достаточно сложной проблемой, труд мигрантов способствует «трансформации национальных рынков труда» [15, с. 8] и оказывает значительное влияние на экономику принимающей стороны. И это даже несмотря на то, что большинство из них чаще всего, после того, как заканчивается кризис в странах исхода, возвращаются домой.

На территорию Тюменской области на 25.05.2022 прибыли 571 чел. из Донецкой и Луганской Народных Республик (далее — ЛДНР), Запорожской, Херсонской об-

¹ Итоговый отчет по результатам выполнения работ по изучению перспективного развития рынка труда Тюменской области (без автономных округов) [Электронный ресурс]. URL: https://czn.admtyumen.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/мониторинг/итоговый%20отчет_2022.pdf (дата обращения: 25.01.2023).

ластей и иных регионов Украины; на начало 2023 г. число вынужденных мигрантов и беженцев уже составило около 1,5 тыс. чел. (340 чел. из которых — дети).

На территории вселения им оказывается содействие в разрешении различного рода вопросов жизнеустройства, обеспечивается медицинская, психологическая, юридическая помощь и индивидуальное сопровождение, в том числе по устройству детей в учреждения образования. Помимо предоставления мер социальной поддержки, департаментом социального развития Тюменской области вынужденным мигрантам из Херсона и части Херсонской области было выдано 70 жилищных сертификатов на приобретение жилья; на начало 2023 г. оплата была произведена по 35 из них.

В Тюменской области созданы консультационные пункты для оказания помощи вынужденным переселенцам в трудоустройстве по месту жительства. В этих пунктах содержится информация о наличии вакансий в местных организациях и на предприятиях, а также о правовых нормах, регулирующих труд мигрантов в России. Рабочие места подбираются согласно полученным профессиям и опыту трудовой деятельности. В то же время при отсутствии вариантов подходящей работы они могут пройти профессиональное обучение. С начала 2023 г. этой возможностью воспользовалось 30 чел.

Следует также сказать, что в области не предусмотрено специальных программ по трудоустройству вынужденных мигрантов. В условиях трудодефицитного рынка труда мигранты вполне свободно могут занимать вакантные места на тюменских предприятиях и в учреждениях. Это касается всех категорий работников — от высококвалифицированных специалистов до простых рабочих. В то же время, двумя компаниями — АО «ЮТэйр-Инжиниринг» и ГМС Нефтемаш — были адресно подготовлены предложения по трудоустройству как для высококвалифицированных специалистов, так и для профильных рабочих. Более того, возможность трудоустройства согласована и с другими работодателями области. В общей сложности более чем 100 предприятий из разных отраслей экономики региона готовы принять около 620 специалистов.

Дополнительно предоставляется информация о возможностях предпринимательской деятельности в регионе, о мерах государственной поддержки предпринимательства, о существующих налоговых льготах, а также о действующих программах льготного кредитования, развития инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, инвестиционных проектах, реализуемых на территории региона и др.

Таким образом, в Тюменской области вынужденным мигрантам оказывается всесторонняя помощь и поддержка, призванная смягчить потерю привычного социума, дома, имущества и близких, а также тех трудностей, с которыми им приходится сталкиваться на новом месте жительства. В то же время, несмотря на сложности, они зачастую демонстрируют поразительную стойкость и находчивость, адаптируясь к новым условиям и внося разнообразный вклад в жизнь своих новых сообществ. Данная особенность была отмечена и группой немецких авторов — А. Лаузером, А. Фузе, П.Дж. Браунляйненом. Раскрывая вопросы утраты «самосознания и личной идентичности» [26] вследствие не только понесенных материальных потерь, но и чувства принадлежности к своей стране, к своему народу, к своей культуре, ими отмечается, что пережитые вынужденными мигрантами эмоции влияют на их устремления и жизнестойкость, расстановку приоритетов и на их образ жизни в будущем.

Образ жизни как ценность и значимая категория определяется субъективной картиной мира, созданной самим человеком; обуславливается способом жизнедеятельности человека в материальной и нематериальной сферах, той стратегией, которой придерживается человек на своем жизненном пути. Личностные особен-

ности и жизненная позиция способствуют формированию стратегии занятости. При этом типы поведения вынужденных мигрантов, их мотивы деятельности, круг интересов и другие особенности являются достаточно разнообразными, они зависят от конкретных условий и среды, в которых человек вынужденно оказывается.

Исследование показало, что в Тюменской области созданы достаточно хорошие условия по содействию в трудоустройстве; большинством респондентов отмечается отсутствие трудностей в поиске работы (рис. 4).

При этом подчеркивается отсутствие возможности прямого общения с потенциальными работодателями (отметили 51,9% опрошенных). По большей части работодателем запрашивается резюме и иные дополнительные документы дистанционно, что не позволяет получить обратную связь и сформировать представление о возможном месте трудоустройства. Данный факт вызывает сомнения и опасения в трудоустройстве именно на данном предприятии у 38,9% респондентов, 14,6% опрошенных отметили, что они готовы только к offline-собеседованию. Стоит отметить, что именно такой подход к трудоустройству обусловлен тем, что, в отличие от местного населения, вынужденные мигранты не имеют четкого представления о работодателях и предоставляемых ими условиях труда; в связи с чем для них важно получать максимум информации о вакансии, предлагаемых условиях труда и ее оплаты, прежде чем делать окончательный выбор. В то же время 25,1% из них не видят особой разницы между online- и offline-взаимодействием с потенциальным работодателем.

Большинство вынужденных мигрантов планируют трудоустроиваться согласно полученной ранее специальности и опыту трудовой деятельности. На момент проведения опроса 48,7% опрошенных были трудоустроены согласно имеющейся профессии, 22,4% — приняты на работу, хотя профессия и предыдущий трудовой опыт выбранной деятельности и не соответствуют, 10,1% — получили работу, не требующую опыта и образования (рис. 5). Стоит отметить, 9,4% респондентов из числа молодежи в возрасте от 18 до 24 лет к трудовой деятельности не приступали, но планируют это сделать после получения соответствующего образования; из них 6,4% — в профессиональной сфере, связанной с IT-технологиями.

Из числа опрошенных трудоустроено 50,6% женщин и 40% мужчин. Примечательно и то, что 38,1% женщин были приняты на работу в соответствии с опытом и образованием в разных отраслях и сферах региональной экономики — от медицины и образования, до сферы производства. Такой показатель трудоустроенности

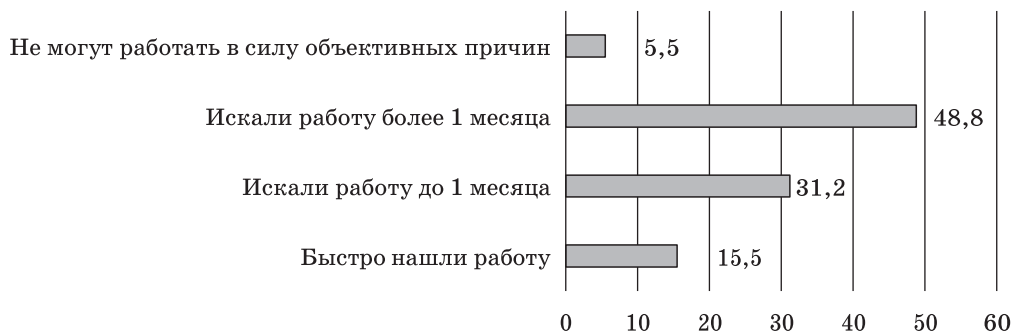

Рис. 4. Время, затраченное на поиск работы вынужденными мигрантами в Тюменской обл., %

Fig. 4. Time spent on job search by forced migrants in the Tyumen region, %

Источник: результаты проведенного автором исследования.

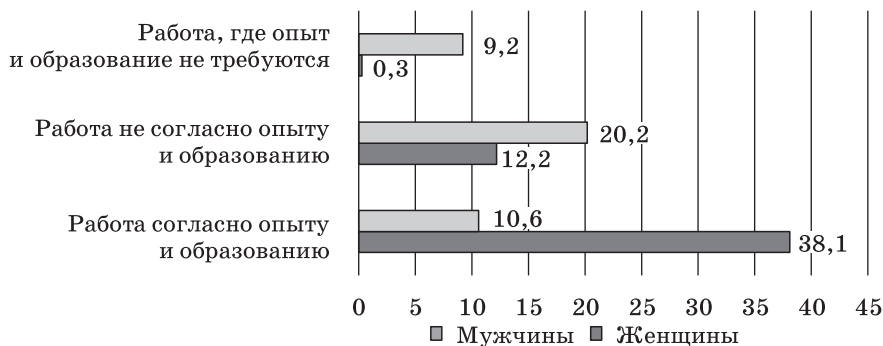

Рис. 5. Данные о трудоустройстве вынужденных мигрантов, согласно наличию опыта и образования, %

Fig. 5. Data on the employment of forced migrants, according to the availability of experience and education, %

Источник: результаты проведенного автором исследования.

женщин основывается на том, что они получают не только универсальные, но и востребованные российским и украинским рынком труда профессии, среди которых специальности: бухгалтер, экономист, учитель, медицинский работник, повар и портной и др. имеют наибольшее распространение. При этом более половины женщин имеют высшее профессиональное образование и гораздо активнее трудоустраиваются по сравнению с мужчинами.

Согласно опросу, 20,2% мужчин указали, что не смогли устроиться на работу согласно опыту и образованию, в результате им пришлось проходить обучение; 9,2% мужчин работают на должностях, не требующих образования или опыта, таких как водитель, официант, торговый представитель, уборщик, курьер, оператор колл-центра или грузчик. Было установлено: находясь в ожидании подходящей работы, вынужденные мигранты часто не в состоянии найти работу, соответствующую их квалификации или связанную с их профессией. Поэтому вынуждены соглашаться на предлагаемые им вакансии, невзирая на то, что их навыки и опыт не подходят для этой деятельности.

Стоит отметить и следующее: выбор основывался не только на фактах соответствия образования и опыта, удовлетворенности уровнем оплаты труда, хотя они и для мужчин, и для женщин являлись основополагающими. На рис. 6 представлено обобщение наиболее приоритетных положений, на которых базировался выбор вида занятости и места работы.

Украинские беженцы в России — это, как правило, люди моложе 60 лет; пенсионеров среди них незначительное число. В большинстве своем лица пенсионного возраста приехали в составе расширенных семей, при этом и мужчины, и женщины планируют трудоустраиваться на территории вселения. Из числа опрошенных 4% уже являются трудоустроенными и работают в основном в сфере обслуживания и охранных предприятиях. Стоит подчеркнуть: практически все они планируют возвращение домой после окончания военных действий.

Из числа опрошенных 57,1% намереваются остаться на территории Российской Федерации, уточнив, что они давно хотели иммигрировать в Россию, «но только сейчас представилась такая возможность» [14, с. 183]. Они назвали такие причины, как лучшие возможности трудоустройства, более высокая заработная плата и более стабильная политическая и экономическая среда. Некоторые также отметили теплое и дружелюбное отношение тюменцев и комфортные условия жизни в регионе. При

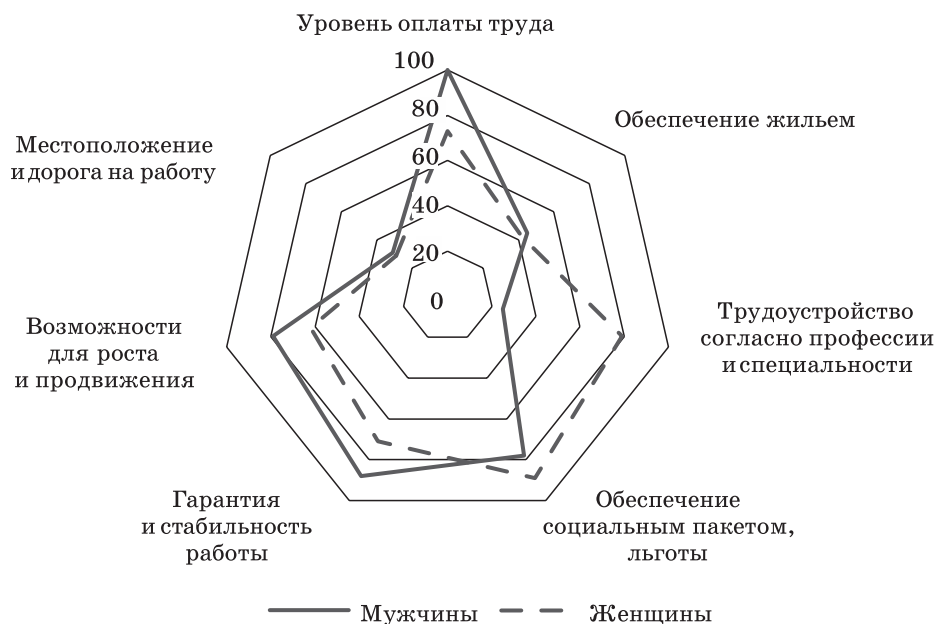

Рис. 6. Исходные положения, на которых основывался выбор вынужденными мигрантами вида занятости и места работы, %

Fig. 6. The initial provisions on which the choice of the type of employment and place of work by forced migrants was based, %

Источник: результаты проведенного автором исследования.

этом 35,7% опрошенных сказали, что не планируют оставаться на постоянное место жительства в стране, 8,1% воздержались от ответа.

На вопрос о дальнейших планах миграции респонденты ответили, что рассчитывают закрепиться на территории Тюменской области (59,7%), у 10,2% в планах переезд в другой регион России (из них в центральные регионы страны — 59,7%, южные регионы — 39,1%, воздержались от ответа — 1,2%). В 5,2% ответов отмечается, что на решение остаться на постоянное место жительства в Тюменской области повлияло получение жилищного сертификата, в 3,8% — получение высшего и среднего специального образования на бюджетной основе. В то же время после стабилизации ситуации 35,7% хотят вернуться домой и продолжить трудовую деятельность на прежнем месте жительства.

Резюмируя вышесказанное, можно подчеркнуть, что образ действий мигрантов, вынужденно покинувших места своего постоянного проживания, логично формирует три модели поведения — желание и направленность на встраивание в новый принявший их регион, стремление к возвращению на Родину, а также переезд в другую часть страны.

В этом контексте достаточно интересная точка зрения была высказана Т. А. Репиной. Ею выделяются три типа поведения вынужденных мигрантов [20], представленные в табл. 2.

Не стремясь подтвердить или опровергнуть теорию Т. А. Репиной, отметим, что вынужденные мигранты из ЛДНР, Запорожской, Херсонской областей и иных регионов Украины, все же склонны выбирать иную модель. В то же время существует и четкая обусловленность — от избранной модели напрямую зависит выбор стратегии занятости.

Типы поведения вынужденных мигрантов (автор Репина Т. А.)
 Table 2. Types of behavior of forced migrants (author Repina T. A.)

Типология	Краткая характеристика	Миграционные свойства
Первый тип	Основывается на намерении встроиться в культуру и жизнедеятельность принимающей стороны. Вынужденные мигранты готовы адаптироваться к новой среде и активно участвовать в общественно-экономической деятельности	Данный тип поведения часто наблюдается среди беженцев, вынужденно покинувших страны, охваченные войной, или по причине политических преследований
Второй тип	Характеризуется обособлением от культуры принимающей стороны, ее системы ценностей, а также институтов и механизмов социализации принимающего общества; ориентирован на сохранение собственной культурной идентичности и традиций, в связи с чем мигранты могут сопротивляться ассимиляции в принимающей культуре и вместо этого предпочитают создавать свои собственные сообщества	Часто наблюдается у мигрантов, прибывших из стран с сильными культурными традициями и ценностями
Третий тип	Характерно изначальное намерение влиться в принимающее сообщество и пользоваться всеми его правами и благами, но в последующем — отказаться от данного решения и не принимать систему ценностей общества, не разделять обязанности его членов и не признавать идеалы, принципы и нормы. Как результат — формирование анклавов мигрантов	«Миграционный поток формируется по типу катастрофического, в этом случае мигранты эвакуируются и скапливаются на сопредельных территориях, обычно это соседние территории этой же страны или соседние страны» [20, с. 250]

Источник: составлено автором по: [20].

Так, исследование показало, что лица, имеющие намерения закрепиться в Тюменской области, выбирают достаточно активную позицию в отношении выстраивания своей стратегии занятости (рис. 7). Они с большей активностью настроены на поиск более подходящей для них вакансии, наиболее расположены на общение с потенциальными работодателями. В то же время, степень активности зависит от возраста, уровня образования и опыта взаимодействия с работодателями; немалую роль играет и пол соискателя.

Лица в возрасте от 18 до 35 лет склоняются к выбору стратегии занятости, выстраиваемой на развитии (48%). В связи с тем, что они зачастую отдают приоритет возможностям роста и продвижения (26% женщин и 23% мужчин), они отдают предпочтение должностям, которые предлагают обучение (29% женщин и 20% мужчин), работу в команде (35% женщин и 29% мужчин), возможность участия в проектах (8% женщин и 24% мужчин) и сетевые возможности (2% женщин и 4% мужчин), а также тем, которые соответствуют их долгосрочным карьерным целям. Также замечено, что люди данной возрастной группы, имеющие семью и детей, как правило, отдают приоритет стратегиям занятости, основанным на стабильности (52%). Приоритет отдается предприятиям, которые предлагают гарантии за-

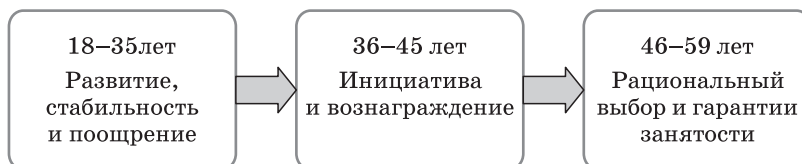

Рис. 7. Стратегии занятости вынужденных мигрантов, имеющих намерение остаться на постоянное место жительства в Тюменской области

Fig. 7. Employment strategies for forced migrants who intend to stay permanently in the Tyumen region

Источник: результаты проведенного автором исследования.

нятости (1-е место — 68% женщин и 59% мужчин), материальную помощь на лечение (3-е место — 25% женщин и 18% мужчин), пенсионные программы (4-е место — 3% женщин и 5% мужчин) и выплаты на компенсацию части процентов по ипотечному кредиту (2-е место — 4% женщин и 18% мужчин).

Лицами в возрасте от 36 до 45 лет — на инициативе и вознаграждении. На таком активном подходе к работе, где они могут взять на себя новые задачи и обязанности, и иметь возможность участвовать в принятии решений (47,7%). Большая часть респондентов все же склоняются к стратегии, которая подразумевает работу в режиме полной занятости. Они отдают предпочтение тем должностям, где их труд будет вознагражден более высокой заработной платой (56,3%).

Стоит отметить, что лица данных групп также стремятся получать дополнительное образование или обучение для повышения своих навыков и квалификации. При этом заинтересованность была высказана как мужчинами, так и женщинами (79,4% мужчин возрастной группы 18–35 лет и 65,1% возрастной группы 36–45 лет и 81,1% и 69,4% женщин соответственно).

Лицами в возрасте от 46 до 59 лет — на рациональном выборе. Вынужденные мигранты данной возрастной группы в формировании стратегии занятости обычно руководствуются практическими соображениями, такими как гарантия занятости (1-е место — 29,4% мужчин и 29,1% женщин), финансовая стабильность (2-е место — 29,4% мужчин и 30,2% женщин) и возможности, предоставляемые предприятиями (3-е место — 23,5% мужчин и 15,9% женщин). Они отдают предпочтение стабильности, а не риску, и чаще полагаются на свой прошлый опыт и навыки. В целом эта возрастная группа предпочитает расчетливый и прагматичный подход в формировании своей стратегии занятости. При этом они понимают, что возраст — это основная помеха в их трудоустройстве, в связи с этим, многие рассматривают возможность переподготовки (4-е место — 17,7% мужчин и 24,8% женщин), чтобы улучшить свои навыки. В целом, эта возрастная группа больше ориентирована на достижение долгосрочной финансовой стабильности и безопасности, чем на погоню за краткосрочной прибылью.

Из вышеперечисленного следует, для тех вынужденных мигрантов, кто планирует обосноваться в Тюменской области, стратегии занятости выстраиваются на проактивном подходе. В целом разные возрастные группы имеют различные приоритеты и подходы к формированию своих стратегий занятости с упором на долгосрочные трудовые цели и финансовую стабильность.

Респонденты же второй и третьей группы, имеющие стремление к возвращению на Родину и к миграции в другую часть страны, стратегию занятости выстраивают на желании «пересидеть» и/или заработать. Стоит отметить, что четких отличий в стратегии занятости ни по возрастным группам, ни по признаку пола, нами выявлено не было. Обобщение стратегий занятости данных двух групп мигрантов представлено в табл. 3.

Стратегии занятости вынужденных мигрантов второй и третьей группы
 Table 3. Employment strategies for forced migrants of the second and third groups

Тип стратегии	Основные проявления	Характеристика выбираемого рабочего места
Вынужденные мигранты второй группы — стремление к возвращению на Родину		
Стратегия пассивности	Отсутствует желание поиска возможностей для трудоустройства в соответствии навыкам и опыту. Характерно долгое ожидание предложений о работе. Они также не рассматривают возможность развития новых навыков или получения дополнительного образования и развития конкурентных преимуществ	Зачастую выбирают низкооплачиваемую работу просто для того, чтобы заработать достаточно денег, чтобы выжить
Стратегия экспансивности	Характерна такая степень активности, несдержанности и стремительности, которая позволяет сразу же переходить к действиям, не давая времени на обдумывание, оценку ситуации и возможных последствий. Данная стратегия всегда направлена на достижение достаточно краткосрочных целей; из-за отсутствия системы ценностей, цели легко изменяются	Направлены на поиск работы в местах, где можно как быстро реализовать себя как специалиста, так и быстро и максимально много заработать
Вынужденные мигранты третьей группы — к миграции на другую территорию страны		
Стратегия реэмиграции	Целью является заработок достаточного количества денег для улучшения своего социального и экономического положения	Часто занимают низкоквалифицированные рабочие места и готовы работать сверхурочно и соглашаться на низкую заработную плату

Источник: выделено автором самостоятельно.

Таким образом, приоритеты выбора стратегии занятости вынужденных мигрантов варьируются от человека к человеку. Но в конечном счете ключом к успешной занятости вынужденных мигрантов является доступ к ресурсам и возможностям, которые позволяют им перестроить свою жизнь и обрести чувство стабильности и принадлежности к своим новым сообществам.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, отметим, что вынужденная миграция населения, особенно беженцев, происходит по достаточно серьезным причинам. Военно-политическое противостояние и социально-экономические условия заставляют людей принимать трудное решение о переезде на новое место жительства в условиях влияния выталкивающих факторов. Этот сдвиг может привести к изменениям в индивидуальном сознании, так как «новые возможности и культурные ценности формируют иные способы и формы понимания жизненного уклада, происходят ради-

кальные структурные изменения самого характера жизни» [14, с. 184]. Хотя статус беженца может быть пугающим из-за страха перемен и потерь, но он и дает возможность принять и реализовать новый образ жизни.

Прием внутренних мигрантов и беженцев является сложной задачей и для страны, так как сопряжен со значительными рисками и расходами. С другой стороны, по оценке Всемирного банка, мигранты вносят значительный вклад в ВВП России, который походит на растущую кривую, колеблющуюся от 10% до 13,2% ВВП страны. На этот прирост ВВП также влияет труд мигрантов, который может способствовать до 4% роста экономики в зависимости от региона.

Помимо своего вклада в экономику, внутренние мигранты и беженцы также приносят в страну культурное разнообразие и инновации, трудовые навыки и опыт работы.

Вынужденные мигранты и беженцы, прибывшие в Тюменскую область в 2022 г., успешно интегрируются в местный социум и на рынок труда в том числе и благодаря применяемым в регионе методам поддержки. В целом реализуемые методы поддержки привели к достаточно успешному включению вынужденных мигрантов в трудовую деятельность. В то же время, анализ показал, что стратегии их занятости зависят как от возраста и пола, так и от целей миграции, изменений на местном рынке труда и ситуации на территории исхода.

Литература

1. Алиев О. Ф. О. Историко-правовой обзор проблем вынужденной миграции // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 17–25.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М., 2002.
3. Барышева Е. И. Психологические особенности эмоциональных переживаний беженцев из зоны боевых действий // Пензенский психологический вестник. 2016. № 1. С. 63–83. DOI: 10.17689/psy-2016.1.4.
4. Вакуленко Е. С. Моделирование миграции населения и рынков труда в России : резюме дис. ... д-ра экон. наук. М., 2020.
5. Васяйчева В. А., Слатов Д. Г. Рынок труда и трудовая миграция: учеб. пособие. Самара : Изд-во Самарского университета, 2018. 96 с.
6. Гайдук В. В., Сулейманов А. Р. Миграционные особенности современных этнических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1 (24). С. 110–119.
7. Громогласова Е. С. Вызовы вынужденной миграции через призму концепции и практики глобального управления // Политика и общество. 2017. № 11. С. 82–95. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.11.24126.
8. Гущина К. С. Трудовая миграция граждан Украины в Россию: социально-политические аспекты // Миграция и социально-экономическое развитие. 2019. Т. 4. № 2. С. 121–138. DOI: 10.18334/migration.4.2.41336.
9. Демидова О. Р. Эмиграция как проблема философии культуры // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. С. 74–81.
10. Дьякова Е. В., Гришина А. В. Трудовая и вынужденная миграция из Украины: социально-экономические последствия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 10–12.
11. Евтушенко В. И. Классификация экологической миграции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 145–150.
12. Звягина Д. А. Миграция населения: факторы, причины, последствия // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2017 г.: в 5 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. Ч. III. С. 95–97.
13. Катаева О. В., Озеров И. Н. Проблема вынужденной миграции в современном мире и административно-правовой статус беженцев в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2018. № 1. С. 84–89.
14. Колесник Е. А., Половинко В. С. Вынужденные мигранты в структуре рынка труда региона: стратегии и перспективы занятости // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Т. 18. № 4. С. 174–186. DOI: 10.18822/byusu202204174-186.

15. Комаровский В. В., Веденеева В. Т. Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. М. : ИМЭМО РАН, 2017. 140 с.
16. Костыря Е. А. Экология и миграция: проблемы правового регулирования // Экологическое право. 2006. № 2. С. 43–45.
17. Кудашева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте. Серия докладов об экономических исследованиях, 2021.
18. Куликова Е. Ю. Свойства современной миграции как основа выбора образовательных и языковых ресурсов для мигрантов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2009. № 4. С. 5–10.
19. Прокушева Н. В. Определение статуса и понятий беженца и вынужденного переселенца // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2011. № 5. С. 253–259.
20. Репина Т. А. Современные виды вынужденной миграции и их влияние на жизнедеятельность принимающих обществ // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. № 6. С. 249–253.
21. Соболева С. В., Чудаева О. В. Иностранцы на российском рынке труда // Эко. 2003. № 1. С. 60–78.
22. Тарасьев А. А. Оценка и прогнозирование развития российского рынка труда в условиях динамики трудовой миграции: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2020. 261 с.
23. Щеголева Н. А., Волков А. В. О необходимости совершенствования понятия «беженец» в российском законодательстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 152–156.
24. Ярмистый М. М. Научные подходы к определению понятия «миграция» и «миграционная политика» // Гилея: научный вестник. 2015. № 94. С. 387–391.
25. Ястребова А. Ю. Защита вынужденных мигрантов в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1 (56). С. 74–82. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-74-82
26. Andrea Lauser, Antonie Fuhse, P. J. Bräunlein. Moving Things (German/English companion volume to eponymous exhibition/ preview), July 2022. Publisher: Wallstein.
27. Harris-Rimmer S. G. Refugees, Internally Displaced Persons and the Responsibility to Protect Doctrine. ANU College of Law Research Paper, 2009. N 09–36.
28. Haynes D. F. Refugees, Migrants and State Responsibility. Conference: Boston Bar Association International Law Section «Human Rights and Immigration Law Project», 2015.
29. Jeremy Hein, Tarique Niazi. Forced Migration: Global Trends and Explanations: Selected Topics in Migration Studies. 2023. P. 269–274. DOI: 10.1007/978-3-031-19631-7_47.
30. Khan I. Refugees, internally displaced persons and migrants: Europe as a source and sanctuary. Refugee Survey Quarterly, 2001. N 20 (2). P. 32–39. DOI: 10.1093/rsq/20.2.32.
31. Kohlenberger J., Pędziwiatr K., Rengs B., Riederer B. et al. What the self-selection of Ukrainian refugees means for support in host countries. 2022.
32. Pędziwiatr K., Brzozowski J., Nahorniuk O. Refugees from Ukraine in Kraków. Centre for Advanced Studies of Population and Religion Cracow University of Economics. 2022. DOI: 10.13140/RG.2.2.28417.53600.
33. Makogon B. V., Markhgeym M. V., Minasyan A. A., Novikova A. E., Yarychev N. U. Logical classification of legal procedural restrictions // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № 2–5. С. 395–401.
34. Nel Ph. Introduction: Migration, Refugees, and Diaspora in Children's Literature // Children's Literature Association Quarterly. 2018. P. 357–362.
35. OJO, S. Stephen. Challenges of internally displaced persons // Human Security, 2017. DOI: 10.13140/RG.2.2.36155.92960.
36. Sarjana I Gede Eka. Climate Change and Human Migration: Towards More Humane Interpretation of Refugee // Udayana Journal of Law and Culture. 2018. N 2. P. 220–248. DOI: 110.24843/UJLC.2018.v02.i02.p05.
37. Simon Quinn and Isabel Ruiz. Forced migration: evidence and policy challenges // Oxford Review of Economic Policy. 2022. Vol. 38. N 3. P. 403–413.
38. Slapczynski T. Refugees, migrants and stateless persons in international law // ASEJ Scientific Journal of Bielsko-Biala School of Finance and Law, 2018; 22(2):45–50 DOI:10.5604/01.3001.0012.4824.

Об авторе:

Колесник Елена Андреевна, доцент Тюменского индустриального университета (г. Тюмень, Российская Федерация), докторант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат экономических наук, доцент; eakolesnik-10@mail.ru

References

1. Aliyev O.F.O. Historical and legal review of the problems of forced migration // Eurasian Advocacy [Evraziiskaya advokatura]. 2017. N 5 (30). P. 17–25 (in Rus).
2. Asmolov A.G. Personality psychology: principles of general psychological analysis. M., 2002 (in Rus).
3. Barysheva E.I. Psychological features of emotional experiences of refugees from the war zone // Penza psychological Bulletin [Penzenskii psikhologicheskii vestnik]. 2016. N 1. P. 63–83. DOI: 10.17689/psy-2016.1.4 (in Rus).
4. Vakulenko E.S. Modeling of population migration and labor markets in Russia. Summary of the dissertation for the degree of Doctor of Economics. M., 2020 (in Rus).
5. Vasyaicheva V.A., Slatov D.G. Labor market and labor migration: studies. stipend. Samara: Publishing House of Samara University. 2018. 96 p. (in Rus).
6. Gaiduk V.V., Suleymanov A.R. Migration features of modern ethnic conflicts // Issues of national and federal relations [Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii]. 2014. Is. 1 (24). P. 110–119 (in Rus).
7. Gromoglasova E.S. Challenges of forced migration through the prism of the concept and practice of global governance // Politics and Society [Politika i obshchestvo]. 2017. N 11. P. 82–95. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.11.24126 (in Rus).
8. Gushchina K.S. Labor migration of citizens of Ukraine to Russia: socio-political aspects // Migration and socio-economic development [Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie]. 2019. Vol. 4. N 2. P. 121–138. DOI: 10.18334/migration.4.2.41336 (in Rus).
9. Demidova O.R. Emigration as a problem of philosophy of culture // Bulletin of LSU named after A.S. Pushkin [Vestnik LGU im. A.S. Pushkina]. 2015. N 3. P. 74–81 (in Rus).
10. Dyakova E.V., Grishina A.V. Labor and forced migration from Ukraine: socio-economic consequences // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management [Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie]. 2016. N 11 (78). P. 10–12 (in Rus).
11. Yevtushenko V.I. Classification of ecological migration // Actual problems of Russian law [Aktual'nye problemy rossiiskogo prava]. 2009. N 2. P. 145–150 (in Rus).
12. Zvyagina D.A. Population migration: factors, causes, consequences // Socio-humanitarian problems of our time: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on September 30, 2017: at 5 o'clock / gen. ed. E.P. Tkacheva. Belgorod : Agency for Advanced Scientific Research (APNI) LLC, 2017. Part III. P. 95–97 (in Rus).
13. Kataeva O.V., Ozerov I.N. The problem of forced migration in the modern world and the administrative and legal status of refugees in the Russian Federation // Bulletin of the VSU. Ser.: Law [Vestnik VGU. Seriya: Pravo]. 2018. N 1. P. 84–89 (in Rus).
14. Kolesnik E.A., Polovinko V.S. Forced migrants in the structure of the labor market of the region: strategies and employment prospects // Bulletin of the Ugra State University [Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2022. Vol. 18. N 4. P. 174–186. DOI: 10.18822/byusu202204174-186 (in Rus).
15. Komarovskiy V.V., Vedeneeva V.T. The phenomenon of labor migration in a changing world. M. : IMEMO RAS. 2017. 140 p. (in Rus).
16. Kostyrya E.A. Ecology and migration: problems of legal regulation // Environmental Law [Ekologicheskoe pravo]. 2006. N 2. P. 43–45 (in Rus).
17. Kudaeva M., Redozubov I. The impact of migration flows on economic activity and the labor market of Russia in general and in the regional aspect. A series of reports on economic research. 2021 (in Rus).
18. Kulikova E.Y. Properties of modern migration as a basis for choosing educational and language resources for migrants // Polylinguality and transcultural practices [Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki]. 2009. N 4. P. 5–10 (in Rus).
19. Prokusheva N.V. Definition of the status and concepts of a refugee and an internally displaced person // Bulletin of BSU. Education. Personality. Society [Vestnik BGU. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo]. 2011. N 5. P. 253–259 (in Rus).
20. Repina T.A. Modern types of forced migration and their impact on the life of host societies // Russian Economic Bulletin [Russian Economic Bulletin]. 2020. Vol. 3. N 6. P. 249–253 (in Rus).
21. Soboleva S.V., Chudaeva O.V. Foreign migrants on the Russian labor market // Eco. 2003. N 1. P. 60–78 (in Rus).

22. Tarasyev A. A. Assessment and forecasting of the development of the Russian labor market in the conditions of labor migration dynamics: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences. Yekaterinburg, 2020. 261 p. (in Rus).
23. Shchegoleva N. A., Volkov A. V. On the need to improve the concept of «Refugee» in Russian legislation // Central Russian Bulletin of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 2. P. 152–156 (in Rus).
24. Yarmisty M. M. Scientific approaches to the definition of the concept of «migration» and «migration policy» // Gilea [Gileya: nauchnyi vestnik]. 2015. N 94. P. 387–391 (in Rus).
25. Yastrebova A. Yu. Protection of forced migrants in armed conflicts: international legal aspects // Pathways to Peace and Security [Puti k miru i bezopasnosti]. 2019. N 1 (56). P. 74–82. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-74-82 (in Rus).
26. Andrea Lauser, Antonie Fuhse, P. J. Bräunlein. Moving Things (German/English companion volume to eponymous exhibition/ preview), July 2022. Publisher: Wallstein.
27. Harris-Rimmer S. G. Refugees, Internally Displaced Persons and the Responsibility to Protect Doctrine. ANU College of Law Research Paper, 2009. N 09–36.
28. Haynes D. F. Refugees, Migrants and State Responsibility. Conference: Boston Bar Association International Law Section «Human Rights and Immigration Law Project», 2015.
29. Jeremy Hein, Tarique Niazi. Forced Migration: Global Trends and Explanations: Selected Topics in Migration Studies. 2023. P. 269–274. DOI: 10.1007/978-3-031-19631-7_47.
30. Khan I. Refugees, internally displaced persons and migrants: Europe as a source and sanctuary. Refugee Survey Quarterly, 2001. N 20 (2). P. 32–39. DOI: 10.1093/rsq/20.2.32.
31. Kohlenberger J., Pędziwiatr K., Rengs B., Riederer B. at al. What the self-selection of Ukrainian refugees means for support in host countries. 2022.
32. Pędziwiatr K., Brzozowski J., Nahorniuk O. Refugees from Ukraine in Kraków. Centre for Advanced Studies of Population and Religion Cracow University of Economics. 2022. DOI: 10.13140/RG.2.2.28417.53600.
33. Makogon B. V., Markhgeym M. V., Minasyan A. A., Novikova A. E., Yarychev N. U. Logical classification of legal procedural restrictions // Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6. N 2-5. P. 395–401.
34. Nel Ph. Introduction: Migration, Refugees, and Diaspora in Children's Literature // Children's Literature Association Quarterly. 2018. P. 357–362.
35. OJO, S. Stephen. Challenges of internally displaced persons // Human Security, 2017. DOI: 10.13140/RG.2.2.36155.92960.
36. Sarjana I Gede Eka. Climate Change and Human Migration: Towards More Humane Interpretation of Refugee // Udayana Journal of Law and Culture. 2018. N 2. P. 220–248. DOI: 110.24843/UJLC.2018.v02.i02.p05.
37. Simon Quinn and Isabel Ruiz. Forced migration: evidence and policy challenges // Oxford Review of Economic Policy. 2022. Vol. 38. N 3. P. 403–413.
38. Slapczynski T. Refugees, migrants and stateless persons in international law // ASEJ Scientific Journal of Bielsko-Biala School of Finance and Law, 2018; 22(2):45-50 DOI:10.5604/01.3001.0012.4824.

About the author:

Elena A. Kolesnik, Associate Professor of Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation), Doctoral student of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, PhD in Economics; eakolesnik-10@mail.ru